

Сергей БЕЗРУКОВ:

Подрастает славное поколение «безрукавок»

Век. Москва. — 1999 —
12 мая. — с. 4

Актер Сергей Безруков из тех, о ком обычно говорят «баловень судьбы». К своим 25 годам он занял достойное место среди коллег, оставив далеко позади сверстников. Сочетание комедийной легкости и подлинного трагизма — главный козырь Безрукова. Впрочем, обаятельная улыбка также стала неотъемлемой составляющей его актерского имиджа.

Екатерина АМИРХАНОВА



быть, поэтому в твоём репертуаре почти нет отрицательных ролей?

— Да, действительно, их немного. Глумов из спектакля «На всякого мудреца довольно простоты», Клиневич в «Бобке» (спектакль «Анекдоты») — этаким «мелкий бес», дьявол во плоти; Феликс Круль в премьерной постановке «Приключения авантюриста Феликса Круля». Но даже, играя отрицательных персонажей, я стараюсь не изображать злодея в чистом виде. Например, мой Глумов — зеленый, еще не совсем опившийся подлец, он больше глумится, нежели злодействует. Я даже в чем-то оправдываю Феликса Круля, который возмнил себя богом, и поэтому пришел к нацизму. Здесь, ты знаешь, происходят парадоксальные вещи. Когда читаю монолог из «Майн кампф», в зале аплодируют, людям представляются стильными черная форма, выразительная немецкая речь...

— Тебе самому не страшно?

— Бывает. Поэтому гораздо приятнее, когда играешь героев, которые находят отклик в душе. Например, Сергея Есенина в спектакле «Жизнь моя, или ты приснилась мне».

— Есенин — твоя любимая роль?

— Да. Это мое, родное, дорогое. Помню, как Ролан Антонович Быков сказал мне: «Берегите эту роль, Сережа». Такие комплименты не дают зазнять. Наоборот, понимаешь, ради чего ты пришел в эту профессию.

Сейчас с Сергеем Никоненко мы думаем над проектом кинокартины о Есенине, может быть, это будет сериал.

— Скажи, правда, что тебя называли в честь Есенина?

— Да, в честь Есенина и в честь деда, Сергея Степановича Безрукова.

— Зритель очень быстро привыкает к ампула, ты не боишься этого?

— Постепенно я вырастаю из своих ролей и уже почти не играю наивных романтических юношей, как, ска-

жем, Петр в «Последних». Потом стоит мне, к примеру, растолстеть (хотя делаю все возможное, чтобы этого не произошло), и я сразу стану характерным актером, таким пузатеньким купчиком.

Как мне хочется сыграть Хлестакова! Я всем говорю: «Дайте мне Хлестакова, я знаю, как воплотить его на сцене!». У меня уже была небольшая роль Арлекина в спектакле «Прощайте и рукоплещите», ее можно назвать зерном будущей роли Хлестакова.

— Сережа, почему ты почти не снимался в кино?

— Потому что очень много работал в театре. А теперь вот хочу заняться кино. Совсем недавно снялся в картине «Китайский сервис» режиссера Виталия Москаленко. Это детективная история о мошенниках начала века... Теперь, когда озвучивание уже закончилось, даже стало немного грустно.

— Ты избирательно подходишь к сценариям?

— Конечно, если мне не нравится сценарий, я не буду сниматься, какими бы высокими ни были гонорары. Играю не ради денег, хотя их никто не отменял, а ради интересной роли. Если ты заметила, я не снимаюсь ни в сериалах, ни в рекламе, хотя мне часто предлагают разные телевизионные проекты, например, стать ведущим развлекательных передач. Но я не хочу размываться.

— У тебя не возникало желания заниматься режиссурой?

— Во многих спектаклях «Табакерки», например, в «Психе», «Приключениях авантюриста Феликса Круля», я выступил как соавтор или, говоря точнее, сорежиссер. Учусь режиссуре: Думаю, что обязательно попробую здесь свои силы, но пока еще многого не сыграл, хочется посниматься в кино. Вообще я благодарен Господу Богу и своим родителям за то, что они наградили меня разносторонними способностями. Я рисую,

пою, играю на музыкальных инструментах, сочиняю музыку. Поэтому, если жизненные обстоятельства сложатся так, что не буду выходить на сцену как актер, то попробую ставить спектакли. Кроме того, у меня есть еще одна специальность — художник-оформитель 5-го разряда. Ну а если ничего не получится — уеду в деревню, буду косить траву и пахать землю...

— Ты работаешь в «Куклах», озвучиваешь Ельцина, Зюганова, Жириновского...

— Ну вот, и ты об этом. Мне даже обидно, когда мое имя автоматическим ассоциируется с этой передачей, ведь в моем репертуаре много серьезных ролей. Честно говоря, для меня «Куклы» — это пройденный этап, они остались как бы за пределами моего 25-летия, которое я справил в октябре. Я в «Куклах» практически не затрачиваюсь, и как только мне найдут подходящую замену, оставляю это занятие.

— Кто открыл в тебе дар пародии?

— Ты знаешь, все произошло как то спонтанно. Дуралчился я с детства, в школе любил представлять Брежнева. Потом впервые спародировал Ельцина и Жириновского на юбилее Театра сатиры. Жириновского я тогда изобразил в фуражке, и с тех пор все пародисты стали выходить в фуражках. Вообще я бы не сказал, что «Куклы» это пародия в чистом виде. Я не просто озвучиваю того или иного политика, а играю роль, играю характеры.

— Сережа, тебя постоянно с кем-то сравнивают, то с Олегом Табаковым в молодости, то с Андреем Мироновым. С одной стороны, это, наверное, приятно. Но вот теперь тебя уже стали называть «русским Леонардо ди Каприо», что, как мне кажется, менее лестно...

— Это то, чего я боюсь. В фильме «Китайский сервис» есть эпизод: мой герой стоит на палубе корабля во фраке, с бабочкой, с зачесанными назад волосами, к тому же я себе уши сделал оттопыренными. Во время озвучивания с ужасом подумал, что после премьеры все станут говорить: «Безруков — это наш ди Каприо». А мне хочется, чтобы «актер Сергей Безруков».

— Как ты относишься к повешенному интересу к тебе со стороны зрителей? Кажется, их называют «безрукавками»?

— «Безрукавок» я люблю, мне нравится доставлять им радость. Не буду лукавить, приятно, когда они приходят, дарят цветы, объясняются в любви. Сейчас подрастает очень славное поколение поклонников, им по 16, 17, 18 лет, такие красивые девчонки! Я стараюсь их не обижать, ведь они еще маленькие.

— Сережа, ты всегда знал, что станешь актером?

— Думаю, что да. Я рос в театральной семье, мой отец, Виталий Безруков — артист, мне пришлось с ранних лет ездить с ним на гастроли, поэтому уже с детства я понимал, что такое театр. В школе, конечно, участвовал во всех спектаклях, на уроках литературы обожал читать по ролям, особенно Хлестакова.

— Как ты думаешь, то, чем ты занимаешься, это профессия или диагноз?

— Диагноз, конечно. Об актерах можно сказать словами Александра Сергеевича Пушкина: «Нас мало, избранных...». С одной стороны, мы не похожи на обычных людей, но у нас те же проблемы, что и у остальных. Хотя заболевание, называемое театром, — хроническое. Актер несет на сцену энергию. Конечно, есть отрицательная энергия, а есть положительная. Я — за положительную энергию. Своей игрой ты даешь людям возможность духовного обновления, их слезы — момент очищения. А уж если становишься кумиром, с тебя начинают брать пример, то это очень большая ответственность.

— А ты считаешь себя кумиром?

— Я думаю, что для того, чтобы стать им, мне предстоит еще очень много работать. И вообще эти понятия относительны. Есть свои «звезды» в театре, кино, телевидении, но не все их знают.

— А у тебя самого есть кумиры на театре?

— Я очень трепетно отношусь к мхатовским актерам второго поколения: Хмелеву, Ливанову, Грибову, Яншину. Как они умели жить, как «вкусно» играли! Я благодарен судьбе за то, что мне посчастливилось выходить на эту великую сцену в роли Моцарта в спектакле «Амадей». Другие мои кумиры — Евстигнеев, Табаков, актеры БДТ — Лебедев, Басилашвили, Стрельчик... Очень люблю Андрея Миронова за его невероятное обаяние.

— Сережа, ты сам излучаешь обаяние и добродушие. Может